

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО. БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

УДК 351.852.11

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-14-33>

Национальный проект «Культура» и книжная культура

А. В. Соколов

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
sokolov1.spb@gmail.com*

Аннотация. Анализируются различные определения понятия «культура» в федеральных проектах развития российской культуры, концентрирующихся на создании культурной среды, воспитании творцов культуры и внедрении цифровых технологий. Цифровая культура представляет собой субкультуру национальной российской культуры, конкурирующую с книжной культурой, являющейся традиционной субкультурой, обеспечивающей смысловую преемственность поколений и сохраняющей культурно-историческое наследие нации. В Новое время возникновение книжного рынка, освоение машинной полиграфии, распространение библиофильства, профессионализация библиотечного дела, правовое регулирование и т. д. привели в индустриальных цивилизациях к формированию *библиосферы*, суперсистемы (системы систем), обеспечивающей производство, сохранение, использование и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Зрелую библиосферу начала XX в. образуют социально-культурные институты (системы, или отрасли книжного дела), а именно: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Введено понятие «книжный разум» (греч. Библиологос), обозначающее книжную субкультуру гуманитарной интеллигенции. Библиологос в качестве книжной субкультуры является стратегическим ресурсом индустриального общества риска. Общий вывод исследования: нынешний национальный проект «Культура» неполон, так как в нём отсутствует федеральный проект книжной субкультуры. Пора начинать работу над новой редакцией национального проекта, где наряду с цифровой культурой должна фигурировать книжная субкультура, представленная в идее Библиологоса.

Ключевые слова: Библиологос, библиосфера, индустриальная цивилизация, книжная субкультура, культура, национальная культура, общество риска, Россия, стратегический ресурс, цифровая культура

Для цитирования: Соколов А. В. Национальный проект «Культура» и книжная культура / А. В. Соколов // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 14–33. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-14-33>

LIBRARIANSHIP. LIBRARY STUDIES

UDC 351.852.11

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-14-33>

The Culture national project and book culture

Arkady V. Sokolov

*St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg,
Russian Federation, sokolov1.spb@gmail.com*

Abstract. The author analyzes various definitions of the concept of "culture" in Russia's federal cultural projects with the focus on building cultural environment, educating cultural creators and implementing digital technologies. The digital culture is a subculture within the national Russian culture; it competes with the book culture, a traditional subculture that ensures semantic intergenerational continuity and preserves the national cultural and historical heritage. In the modern period, the emergence of the book market, machine printing, spread of bibliophilia, professionalization of librarianship, legal regulations, etc., resulted in the formation of the bibliosphere in industrial civilizations, a supersystem (system of systems) that ensures production, preservation, use and further development of national book cultures. The mature bibliosphere of the early twentieth century was formed by socio-cultural institutions (systems, or branches of the book business), namely: publishing, printing industry, book trade, librarianship, and bibliography. The concept of "book mind" (Bibliologos) was introduced to denote the book subculture of the humanitarian intelligentsia. As the book subculture, bibliologos makes a strategic resource of the industrial risk society. The general conclusion of the study is that the current national project "The Culture" is incom-

plete, since the federal project does not comprise the book subculture federal project. The author suggests that the new edition of the national project has to be developed to include, along with the digital culture, the book subculture represented in the idea of Bibliologos.

Keywords: Bibliologos, bibliosphere, industrial civilization, book subculture, culture, national culture, risk society, Russia, strategic resource, digital culture

Cite: Sokolov A. V. The Culture national project and book culture / A. V. Sokolov // Scientific and Technical Libraries. 2022. No. 6. P. 14–33. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-14-33>

1. Национальный проект «Культура»

В современной Российской Федерации культура приобрела статус национального приоритета, о чём свидетельствует национальный проект «Культура», разработанный в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректированный в соответствии с указом от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Руководство национальным проектом возложено на Министерство культуры России, которое исходит из того, что культура является важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения многонационального культурного пространства и территориальной целостности России.

Структуру национального проекта образуют три федеральных проекта, а именно: 1) проект «Культурная среда», предусматривающий масштабное строительство культурно-образовательных, выставочных и музейных комплексов, концертных залов, театров, кинозалов, клубов и муниципальных библиотек, модернизацию театров юного зрителя и кукольных театров, а также детских школ искусств и училищ; 2) проект «Творческие люди», нацеленный на то, чтобы продвигать талантливую молодёжь в сфере музыкального искусства, включая создание молодёжного симфонического оркестра, поддержку добровольческих движений в сфере сохранения культурного наследия и подготовку кадров

для отрасли культуры; 3) проект «Цифровая культура», задачи которого сформулированы кратко и ёмко: создать виртуальные концертные залы не менее чем в 500 городах Российской Федерации и обеспечить широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны.

Легко заметить, что федеральные проекты берут за основу различные определения культуры, бытующие в общественном сознании. Это неудивительно. «Культура» – один из весьма распространённых терминов в философском, научном, политическом лексиконе минувшего столетия, но разные авторы трактуют его неоднозначно. Начитанные энциклопедисты вспоминают, что древнеримский оратор и философ Цицерон понимал культуру как «возделывание человеческого ума» путём философских раздумий и утверждал, что философ тот, кто обладает «культурой души». В Новое время европейские гуманисты понимали культуру как «вторую натуру», как образ жизни определённого социума, показатель умственного и духовного прогресса народа, социальной группы, цивилизации. Широко использовалась дефиниция антрополога Эдуарда Тайлора: «Культура складывается в целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [1. С. 18]. В современной «Новой философской энциклопедии» культура трактуется как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях» [2. С. 341–347]. Упомянутые надбиологические культурные программы транслируют от поколения к поколению социальный опыт в виде знаний, норм, умений, ценностных ориентаций, а также генерируют новые материальные и духовные ценности. Достоинство последней дефиниции в том, что она учитывает противоречивость национальной культуры индустриальных цивилизаций, в которой переплетены три различные формы: а) традиционная народная культура (фольклор); б) высокая (элитарная) культура, воплощённая в литературе и искусстве, науке и философии, политическом управлении и технологическом мастерстве; в) массовая культура, упрощённая в смысловом и художественном отношении и в силу этого способная принести коммерческую прибыль.

Возвращаясь к терминологии государственных культурных проектов, обнаруживаем, что федеральный проект «Культурная среда» исходит из понимания культуры как совокупности искусственных творений человека (артефактов), а не предметов, возникших самопроизвольно в естественной природе (натуре). Зато культурная сущность творческих людей, фигурирующих во втором федеральном проекте, обусловлена тем, что они не материальные объекты, а живые носители знаний и умений, необходимых для существования общества (значит, культура – это характеристика личности). Наконец, цифровая культура (третий проект) – это не предмет и не свойство человека, а одна из надбиологических программ, возникших в сфере индустриальной цивилизации. В социологии принято называть социально-культурные образования подобного рода *субкультурами*. Примерами субкультур являются социальные группы, отличающиеся языком, системой ценностей, манерой общения, внешним видом и т. п.; типичные примеры – молодёжные, профессиональные гуманитарные или технократические, на худой конец, криминальные субкультуры. Субъектами цифровой субкультуры, как правило, являются интеллектуалы-технократы, которые, стремясь обеспечить повышение качества жизни, гармонизацию общественных отношений и динамичное социально-экономическое развитие страны, активно участвуют в модернизации, цифровизации, информатизации российской культуры, книжного и библиотечного дела.

Естественно, возникает методологический вопрос: правомерно ли считать субкультурой традиционную российскую *книжную культуру*? Дело в том, что понятия «книжная культура» или «книжная субкультура» отсутствуют в контексте нацпроекта «Культура». Стало быть, предполагается проектировать «культурную среду» будущей России без учёта книжной культуры и обеспечивать национальную безопасность без обращения к книжным ресурсам России. Напрашивается предположение, что сей пробел не случайный недосмотр авторов проекта, а закономерное следствие рациональных расчётов искусственного интеллекта. Может быть, проектанты считают, что постиндустриальная цивилизация XXI в. сможет обойтись без старомодной книжной культуры, поскольку глобальная цифровая субкультура станет достойной заменой рынка национальных, федеральных, региональных, локальных книгохранилищ? Может быть, воинствующим технократам кажется, что

библиотечной интеллигенции пора перестать цепляться за пыльные инкунабулы, преодолеть собственную косность и заменить библиографический педантизм мощью цифровых технологий?

Не будем поддаваться унылому пессимизму. Если невежественный чиновник пренебрегает книжной культурой, то это не значит, что библиотечной интеллигенции пора уйти на покой. Практика показывает, что национальные и федеральные проекты, провозглашённые государственной властью, послужили стимулом не для затухания, а для активизации книжной культуры в современной России. Развивая духовно-просветительские традиции, российские библиотеки всех типов и видов, всех регионов и отраслей знания активно, часто творчески и всегда бескорыстно работают с читателями, приобщают разные поколения к ценностям книжного мира, бережно реставрируют и пополняют фонды, распространяют культуру чтения.

Нельзя удержаться от удивления и восхищения самоотверженным энтузиазмом библиотечных работников, если ознакомиться с ежегодными сводными планами основных профессиональных мероприятий, публикуемыми Российской библиотечной ассоциацией. Так, в сводном плане 2022 г. предусмотрено 180 социально-культурных мероприятий различных масштабов и форматов: форумы, фестивали, научно-практические конференции, чтения, семинары, дискуссии, круглые столы, школы обмена опытом и др. Тематика мероприятий чрезвычайно широка и разнообразна. Не забыты культура чтения и краеведческие традиции в библиотеках и музеях, тем более что 2022 г. объявлен Годом культурного наследия России. Большое внимание уделено преобразованию книжного наследия в цифровой формат, цифровой трансформации библиографии, наряду с заботой о сохранении книжных памятников. Гуманистическая сущность российского библиотечного дела как института воспитания и развития личности ярко проявляется в педагогической работе с детьми и молодёжью (здесь признанные лидеры – Российская государственная детская библиотека и Российская государственная библиотека молодёжи), а также в формировании специальных библиотек для слепых как инклюзивных информационно-культурных центров. Восторженные эмоции в адрес тружеников отечественной книжной культуры хочется выразить стихотворно:

Нацпроект – это россыпь блестящих идей,
Сохранённых трудами заботливых женщин,
Квинтэссенция мудрости прожитых дней
И гарантия счастья – не больше, не меньше.

Конечно, не грех усомниться в том, что книжная культура способна гарантировать счастливое будущее русскому народу, но пренебрежение мудростью, хранящейся в книжном наследии, – это риск утраты культурной безопасности и угроза национальному суверенитету. В национальном проекте «Культура» и в научно-практических дискуссиях РБА нигде не говорится о рисках, угрожающих России как создателю и хранителю уникальной книжной культуры. Вместе с тем авторитетные зарубежные и отечественные философы настойчиво утверждают: современная Россия – это общество риска. Поэтому, восхищаясь богатством планов, самокритично признаем, что перспективы российской книжной культуры нельзя уяснить, если не остановиться на социально-философском вопросе «общества риска и культурной безопасности».

2. Общество риска и культурная безопасность

Многозначительный эпитет «общество риска» (Risikogesellschaft) был предложен немецким социологом Ульрихом Беком (1944–2015) после катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986 г. В 1992 г. профессор Бек изложил теорию мирового общества риска в монографии «Общество риска. На пути к новому модерну», которая в 2000 г. была издана в России [3]. Идею «общества риска» поддержали авторитетные европейские социологи Э. Гидденс, Н. Луман, З. Бауман, и в настоящее время она фигурирует не только как фундаментальная обществоведческая концепция, но и как инструмент мобилизации глобального сообщества, озабоченного перспективами собственной выживаемости. Под *риском* понимаются потенциальная опасность и реальная угроза окружающей среде, человеческому обществу, отдельному человеку. Отечественные социологи, в свою очередь, использовали методологию рискологии для анализа постсоветского российского общества [4].

У. Бек исходит из предпосылки, что в рыночной экономике производство общественного богатства всегда сопровождается производством рисков. Он отмечает, что до середины XIX в. общество было про-

тивопоставлено природе, и человек занимался её покорением. К началу XX столетия природа была покорена и поставлена на службу индустриальной цивилизации и капиталистического рынка. Индустриальное общество с его направленностью производства, науки и техники, с его формами демократии и права стало источником рисков, имеющих тенденцию к усилению. Если во второй половине XX в. в развитых государствах всеобщего благосостояния главной проблемой были богатство и способы его распределения [5], то в XXI в. главным вопросом стали риски и способы их предотвращения, минимизации и управления. По словам У. Бека, «место общности нужды занимает общность страха», и движущая сила общества риска выражена фразой «Я боюсь!». При этом он честно признаёт, что риски – это большой бизнес, риски укрепляют, а не уничтожают классовое общество. Бедность притягивает к себе избыток рисков, а богатство (в доходе, власти или образовании) всегда может купить себе безопасность и свободу от риска.

Итак, общество риска – это общество, чреватое катастрофами. Безумный вызов технократической цивилизации состоит в том, что источником разрушительных рисков является не столько дикая природа, сколько западная интеллектуальная элита, плодящая глупых и невежественных потребителей массовой культуры. Ещё в 1799 г. испанский живописец-романтик Франсиско Гойя (1746–1828) написал мрачный автопортрет, который назвал «Сон разума рождает чудовищ», и сопроводил его пояснением: «Когда разум спит, фантазия в сонных грёзах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений». На дремлющее общество, утратившее разумное целеполагание и рациональный контроль собственных действий, обрушился каскад разнообразных неустраняемых и чудовищных рисков. Приобрели глобальные масштабы такие чудовища, как экологический кризис (загрязнение природной среды, изменение климата), биологические мутации (вирусная пандемия, генетическая деградация), технологические аварии (сбой компьютерной программы, развал атомного объекта), геополитические безумства (гонка вооружений, терроризм, агрессивная глобализация, утрата национальной идентичности и суверенитета, геноцид, фанатизм) и многие другие антропогенные угрозы человечеству.

Что касается книжно-библиотечного сообщества, то озабоченность его судьбой выразил директор издательско-библиотечного центра Балтийского федерального университета им. И. Канта Вадим Юрьевич Курпаков, который глубокомысленно заметил: «Масштабы происходящих в последние десятилетия изменений и их глобальный характер провоцируют использование революционной терминологии. Пространство вокруг нас заполнено различными революциями, сферы деятельности которых многократно пересекаются: мы уже смирились с четвёртой промышленной, осмысливаем цифровую, одновременно пытаюсь понять, где именно она граничит с информационной, и совсем отчаялись разобраться, в чём же суть их гибридов» [6]. Особенно неприятны такие парадоксальные явления, как упадок книжного чтения и библиофильства; сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка (преобладание пошлой коммерческой культуры, постоянный рост цен на книги, монополизация книжного бизнеса, вытеснение интеллектуальной литературы); дисфункция ретроспективного библиографического поиска и рекомендательной библиографии; свёртывание библиотечных сетей и сетей книжных магазинов; депопуляция библиотечной профессии; растущая экспансия электронной коммуникации.

Возникает проблема сохранения культуры на нашей планете, проблема культурной безопасности, на которой почему-то не акцентировано внимание в национальном проекте «Культура». Точнее, она сводится к предотвращению религиозных и этнических конфликтов, устранению агрессивной ксенофобии и бездарного постмодерна, к сохранению национальных и краеведческих культурных памятников, приобщению молодёжи к духовным и материальным ценностям мировой культуры. Однако этого недостаточно, ибо культурная безопасность имеет стратегическое значение для России. Применительно к библиотечно-информационной сфере эта стратегическая проблема охарактеризована заслуженным методологом информатики Константином Константиновичем Колиным на уровне материальной культуры, социальной культуры, духовной культуры, информационной культуры [7].

Однако остаётся немало нерешённых вопросов, начиная с уточнения понятия «культурная безопасность» и соотнесения его с понятием «общество риска». Известна абстрактная формулировка: *культурная безопасность* – состояние системного равновесия между необходимыми

ми эволюционными процессами, сопутствующими любой инновации, и потребностью любой культуры в самосохранении и трансляции своих основ. Для прикладных теорий более приемлема конкретная дефиниция: *культурная безопасность* – составная часть национальной безопасности, которая заключается в защите российской культуры от угрожающих рисков, предотвращении её упадка и создании условий, благоприятных для дальнейшего развития культурного самосознания народа [8]. Однако специальные исследования безопасности книжной культуры мне не известны.

Чтобы оживить рассуждения о рисках и безопасности, обратимся к пророческим строкам А. А. Ахматовой, которые она написала в 1945 г., вернувшись в послевоенный Ленинград:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Поучительно сопоставить поэтическое высказывание Анны Андреевны с содержанием национального проекта «Культура». Золото, сталь, мрамор – это изделия материальной культуры, пригодные для осуществления федерального проекта «Культурная среда». Поэтесса отмечает уязвимость и мимолётность материальных изделий в отличие от произведений человеческого духа. Какие «прочные печали» она имела в виду? Вероятно, антропогенные факторы риска, включая невежество и глупость, преследующие человечество. Что же касается «долговечного царственного слова», то я уверен: здесь речь идёт о книжном разуме и книжной культуре, способных противостоять разрушительным рискам времени. Другими словами, проблему жизни и смерти Ахматова решает в пользу духовной культуры, увековеченной словесно. Реально ли это? Осмысливая эволюцию российской культуры, я пришёл к гипотезе, что защитником общества рисков должна стать книжная субкультура в виде *Библиологоса*. Кратко изложу суть этой гипотезы.

3. Библиологос – книжная субкультура

Прозорливая А. А. Ахматова вряд ли согласилась бы с отсутствием книжной культуры в нацпроекте «Культура» и пренебрежением стратегической культурной безопасностью. Наверное, она напомнила бы, что «царственное слово» древнегреческие философы после «царя философии» Гераклита (VI в. до н. э.) именовали «Логос» и понимали как «истинное рассуждение», в соответствии с которым устроена вся природа. В последующие века античные мыслители, варьируя формулировки, трактовали Логос как первопричину мира, как религиозно-философскую основу его существования, как наиболее глубинные и существенные его закономерности. Значение понятия «Логос» в христианстве определено первой фразой Евангелия от Иоанна: «В начале был Логос (Слово), и Логос был у Бога, и Логос был Бог»; вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «воплощение» Логоса [9. С. 104–105]. Таким образом, Логос изначально понимался как единство противоположностей: идеальной мысли (духа, ума) и её материального выражения в слове.

В 1900 г. С. Н. Трубецкой (1862–1905) в докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» и других публикациях познакомил российских философов с различными античными школами и показал трансформацию древнегреческого Логоса в христианский «Логос». Философы Серебряного века часто обращались к понятию Логоса. Правда, классики библиотековедения и книговедения «логосом» не интересовались, в библиотечной школе никогда не читались лекции о «книжном разуме», и российские библиотеки официально ни к какому «логосу» отношения не имеют. В Федеральном Законе «О библиотечном деле» (редакция от 02.07.2013 № 185-ФЗ) сказано однозначно: «библиотека – информационная, культурная, просветительская организация», а не «обитель книжного разума». Поэтому неудивительно, что высокомерные интеллектуалы иногда третируют «книжный разум» как предрассудок старомодной Галактики Гутенберга и настойчиво пытаются внедрить в институты библиосферы медиакультуру, основанную на цифровых технологиях. Создаётся впечатление, что нынешняя интеллектуальная элита предпочитает поклоняться не древнегреческому Логосу, а западным электронным медиа.

Появление многолюдных городов, древних цивилизаций и языческих религий в III тысячелетии до н. э. привело к появлению письменного коммуникационного канала для распространения продуктов разума во времени и пространстве. Человеческое общество, обладающее письменностью, формирует субкультуру грамотности и способно создавать функционально специализированные социальные институты. В Новое время возникновение книжного рынка, освоение машинной полиграфии, распространение библиофильства, профессионализация библиотечного дела, правовое регулирование и т. д. вылились в индустриальных цивилизациях в формирование *библиосферы*, суперсистемы (системы систем), обеспечивающей производство, сохранение, использование и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Зрелую *библиосферу* начала XX в. образуют социально-культурные институты (системы, или отрасли книжного дела), а именно: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Каждый институт включает функциональные подсистемы: практику, образование, науку, специальную коммуникацию, органы управления. Помимо отраслевых институтов, органами библиосферы являются: библиофильское социально-культурное движение; некоммерческие и коммерческие учредители и добровольные объединения; государственные органы управления и цензуры; технологические средства, в том числе полиграфия, здания и оборудование, телекоммуникационная и компьютерная цифровая техника.

Библиосфера возникла не самопроизвольно; она есть результат многовекового творчества коллективного разума, который гипотетически назовём «*Библиологос*». Слово «*Библиологос*» – неологизм, отсутствующий как в лексиконах современных наук, так и в обыденной речи. Правда, значение этого словосочетания нетрудно расшифровать: «библио» ассоциируется с понятием «книга» в общеизвестных словах «библиотека», «библиография» и др., а древнегреческое слово «логос» напоминает нам о «логике», «разуме», «истине». Получается: **Библиологос** – это «книжный разум», точнее «книжная разновидность разума», то есть «разум мира книг». Книжный разум в смысле «Библиологос» реализуется двояко: во-первых, *одушевлённый* Библиологос в виде социальных групп субъектов библиосферы, во-вторых, *овеществлённый*

Библиологос в виде научных, учебных, нормативно-управленческих текстов интеллигентов-книжников, посвящённых книжному разуму и культуре.

Одушевлённый Библиологос – это коллективный разум исторически стабильной общности людей, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве, преобразовании, сохранении и распространении произведений письменности и полиграфии, которые восторженная поэтесса именovala «царственное слово». Авторами «царственного слова», то есть одушевлёнными субъектами Библиологоса, являются профессионалы библиотечного, библиографического, книжного дела (практики, учёные, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив. Овеществлённый Библиологос один из ярких европейских мыслителей XX в., сэр Карл Поппер (1902–1994), представил в виде *мира объективного знания*, мира содержания книг, журналов, библиотек, письменных текстов (документов) и произведений искусства [10]. Настаивая на суверенном и независимом существовании этого мира, Поппер предложил следующий мысленный эксперимент. Представьте себе, что уничтожены все наши машины и орудия труда, а также все субъективные знания и навыки, позволявшие пользоваться ими. Восстановится ли цивилизация? Поппер отвечает, что да, если при этом сохранятся библиотеки и наша способность читать и понимать книги. В противном случае для восстановления цивилизации потребуются тысячи лет. Следовательно, овеществлённое «царственное слово» (права Ахматова) – залог долговечности человечества.

Сущность Библиологоса выразим в следующей формулировке: **Библиологос** – *книжная субкультура цивилизованного общества как производительная сила, обеспечивающая создание, сохранение, использование библиосферы*. Эта формулировка соответствует принятому в политической экономике понятию «общественная производительная сила» в виде системы субъективных (человек) и вещественных элементов, осуществляющих взаимодействие между обществом и природой [11. С. 313–314]. Каким образом книжная субкультура способна противостоять разрушительным рискам информационного общества XX в.?

Пророк информационно-компьютерной революции Маршалл Маклюэн (1911–1980) завершил в 1962 г. свой бестселлер «Галактика Гутенберга» словами: «Двадцатый век последовательно и настойчиво стремился освободиться от гутенберговского наследства. И эта драматическая борьба альтернативных форм человеческого понимания и мировидения сделала нынешний век величайшим в истории, если говорить об искусстве и науке» [12. С. 406]. Действительно, XX столетие, время многочисленных рисков и серьёзных морально-гуманистических испытаний, было свидетелем конкурентной борьбы между книжной культурой и экранной культурой, между книжным разумом и информационными технологиями. Культурными символами информационного общества являются кинокультура, телекультура, компьютерная культура, в том числе интернет. Многим адептам информационных технологий кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф [13]. При этом упускается из виду, что продуктами экранной культуры, как и культуры книжной, являются не материальные изделия, а *антропологические типы* – личности с определёнными интеллектуально-нравственными качествами. Практика показала, что ученики Библиологоса обладают весьма важными антропологическими преимуществами, поскольку *homo legens* – «книголюб» – это более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий сериалы. Поэтому не кажется бессмысленной ироническая трактовка: **Библиологос** – вакцина от невежества и глупости [14].

Технократы-рационалисты утверждают, что компьютеры могут справиться с любыми задачами, которые имеют алгоритмы для своего решения и согласуются с физическими возможностями компьютеров. Мозг подобен своеобразному компьютеру, и всё, что сейчас доступно мозгу, в частности сознание, станет со временем доступно компьютеру, если увеличить объём памяти последнего и усовершенствовать программы обработки данных. Их оппоненты – гуманисты уверяют, что сознание невозможно «вычислить», поэтому компьютеры никогда не обучатся «пониманию» и «творчеству» и не смогут решать те задачи, которые требуют интуитивного подхода. Неустранимый недостаток цифрового интеллекта – отсутствие понимания обрабатываемых дан-

ных [15. С. 21]. Информационные технологии, упрощая доступ к информации, обесценили усилия по приобретению знаний, а значит, и сами знания сделались каналами распространения фальсификаций, мифов, манипуляций сознанием. Права Ю. П. Мелентьева, которая в докладе «Чтение как фактор преобразования мира (в контексте теории ноосферы В. И. Вернадского)» сделала вывод, что «чтение становится существенным фактором влияния на формирование ноосферы» [16]. В период торжества цифровой культуры осуществление проекта энциклопедического словаря «Чтение» [Там же] выглядит *знаковым событием* в драматической истории русского книжного разума, который зародился в период христианизации Руси, был взращён интеллигентами-книжниками, отразился в Национальной программе поддержки чтения (2007–2020) и других инициативах российского Библиологоса.

Преобразование человечества в ноосферную цивилизацию не может произойти стихийно, явочным порядком. Здесь требуется опережающее развитие информационно-интеллектуальных процессов и духовной культуры, прежде всего, науки, управления и образования. Критическое значение имеет формирование ноосферного человека, руководствующегося нравственно-гуманистическими ценностями, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой в условиях обеспечения всеобщей безопасности. Совершенно очевидно, что для формирования ноосферного человека должны использоваться ресурсы библиосферы, в документальных фондах которой сосредоточено культурное (гутенбергово) наследие человечества. Отсюда следует, что вытеснение книжной культуры информационной электронной культурой – технократическое невежество и глупость, противоречащие социально-культурной эволюции человечества.

Научные проблемы библиосферы изучаются родственными, но относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и др.), а общей проблематикой занимаются книговедение – комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле, а также общая теория документа, или документология. Казалось бы, сложилась солидная система библиодокументных наук, но пробелы Библиологоса заметны и здесь. К сожалению,

классическое библиотековедение и книговедение не могут предъявить теоретическое обоснование гуманистической миссии библиотечного и книжного дела в информационном обществе, объяснить властям, что общедоступная библиотека – это не культурно-досуговое «третье место», что профессионального библиотекаря в порядке «оптимизации» нельзя заменять роботом – выдавальщиком книг. Учёные книговеды и библиотековеды затрудняются определить, в чём смысл и назначение книжной культуры в российском государстве XXI в., которое активно внедряет цифровые технологии во все сферы экономики и общественной жизни. Беда в том, что научно-практические дисциплины не способны познать сущность библиосферы в целом, потому что их предмет ограничен освоением отдельных технологических подсистем, процессов и исторических этапов. Компетенция познания сущностей – прерогатива *философии*, а не науки. Поэтому в наши дни великих перемен, в период глобальных и противоречивых трансформаций, финал которых проблематичен, отсутствие философского подхода к осмыслению прошлого, настоящего и будущего книжной культуры воспринимается как досадный пробел в системе библио-документных наук, нуждающийся в заполнении. Отсюда – потребность в формировании *библиософии*, которая мыслится как философская идея о книжной культуре [17].

Науки, как известно, оперируют логически оформленными понятиями, отражающими «сущие» предметы, а в философской идее предмет представляется не таким, как «он есть», а таким, каким он «должен быть», то есть идея отражает идеальное «долженствование» реальности. Другими словами, наука нацелена на рациональное познание законов природы и культуры, а философия озабочена «сверхлогическим» творчеством будущего, творчеством культурно-этического «должного». По словам В. М. Межуева, автора книги «Идея культуры», «философская идея культуры заключает в себе то, что служит для нас нормой и образцом, тогда как в научном понятии культуры мы фиксируем нечто, что свойственно любой группе людей. В последнем случае культура существует для нас исключительно как предмет научного знания» [18]. Следовательно, нужно различать понятие «сущая книжная культура», связанное с эмпирической реальностью, и идею «идеальная книжная культура», полученную в результате философского мышления. Книговедение, библиотековедение, библиографоведение и библиокультуроло-

логические концепции ориентируются на эмпирические закономерности, в то время как библиософия востребует тогда, когда речь идёт об эволюционных процессах и «желательном будущем». Нельзя планировать преодоление кризисных явлений в сущей книжной коммуникации и прогнозировать трансформации книжной культуры в ноосферном обществе без обращения к философской рефлексии, потому что, как справедливо заметил профессор В. Л. Обухов, «только философия может быть названа *квинтэссенцией культуры*, поскольку она вобрала наиболее существенные достижения практически всей культуры, включая науку» [19. С. 13].

Предвосхищая «должное», особенно важно обратить внимание на *гуманистическую функцию* философии – объяснить, «каким надо быть, чтобы быть человеком». Анализ постиндустриальных тенденций показывает, что российской библиосфере следует сосредоточиться на выполнении гуманистической миссии, которая заключается в утверждении гуманистических универсалий культуры и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманизации постиндустриальной культуры, но без участия социальных институтов библиосферы не обойтись ни в коем случае. Гуманистический путь труден, гуманизм книжности ощущается профессионалами книжного дела на интуитивно-эмпирическом уровне. К счастью, книги, как известно, облагораживают, поэтому большинство работников библиосферы – это *стихийные гуманисты*, самоотверженно и бескорыстно преодолевающие противоречия российской библиосферы в неблагоприятной социальной среде. Именно этим людям нужна библиософия – гуманистическое философское учение о библиосфере.

Общий вывод нашего исследования заключается в том, что нынешняя редакция национального проекта «Культура» *неполна*, так как в ней отсутствует федеральный проект «Книжная субкультура», нацеленный на преодоление разрушительных рисков, угрожающих нынешнему российскому обществу. Поскольку построение гипотетической глобальной Ноосферы (Царства Разума) на нашей планете невозможно без разумного использования культурного наследия наций (мифологии, литературы, искусства, науки, философии), воплощённого в документальных фондах библиосферы, уяснение библиотечными теоретиками и

менеджерами сущности российского Библиологоса (Разума, Интеллекта) и возможностей его использования как в современной библиосфере, так и в завтрашней ноосфере, становится не только желательным, но даже императивным требованием. В связи с этим требованием пора начинать работу над новой редакцией нацпроекта «Культура», где, наряду с цифровой, должна фигурировать книжная субкультура, использующая одушевлённые и овеществлённые ресурсы Библиологоса в качестве производительной силы информационной цивилизации.

Список источников

1. **Тайлор Э. Б.** Первобытная культура. Москва : Политиздат, 1989. 573 с.
2. **Степин В. С.** Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2010. Т. 2. 744 с.
3. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс – Традиция, 2000. 384 с.
4. **Россия:** риски и опасности «переходного» общества: сб. статей / отв. ред. О. Н. Яницкий. Москва : Изд-во Института социологии РАН, 1998. 237 с.
5. **От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния.** Москва : РОССПЭН, 1998. 432 с.
6. **Курпачков В. Ю.** Революция Гутенберга 2.0 и будущее библиотек. Часть 1. Звёздный час и «закат» библиотек // Университетская книга. Июнь, 2019. С. 46–47.
7. **Колин К. К.** Культура и безопасность: стратегические задачи культуры в XXI веке // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3. С. 65–84.
8. **Белозор А. Ф.** Культурная безопасность как основа культурной идентичности // Человек и культура. 2019. № 1. С. 80–86.
9. **Василенко Л. И.** Краткий религиозно-философский словарь. Москва : Истина и Жизнь, 1998. 256 с.
10. **Поппер К. Р.** Объективное знание. Эволюционный подход. Москва : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
11. **Политическая** экономия. Словарь. Москва : Политиздат, 1979. 463 с.
12. **Маклюэн М.** Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2003. 432 с.
13. **Разлогов К. Э.** Искусство экрана: от синаматографа до Интернета. Москва : Росспэн, 2010. 287 с.

14. **Соколов А. В.** Библиологос – вакцина от невежества и глупости // Труды ГПНТБ СО РАН. 2021. № 2. С. 91–95.
15. **Макарова А. Г.** Чтение как фактор формирования ноосферы // Библиотечное дело. 2017. № 6. С. 25–28.
16. **Чтение.** Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю. П. Мелentyевой. Москва : ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2021. 448 с.
17. **Соколов А. В.** Библиософия как философское учение о библиосфере // Библиография. 2019. № 1. С. 14–34.
18. **Межуев В. М.** Идея культуры. Очерки по философии культуры: монография. Москва : Университетская книга, 2012. 403 с.
19. **Реалистическая философия:** учебник для вузов / под ред. В. Л. Обухова. Санкт-Петербург : СПбГАУ, 2003. 336 с.

References

1. **Tai'lor E'. B.** Pervobytnaia kul'tura. Moskva : Politizdat, 1989. 573 s.
2. **Stepin V. S.** Kul'tura // Novaia filosofskaia e'ntsiclopediia : v 4 t. Moskva : My'sl', 2010. T. 2. 744 s.
3. **Bek U.** Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moskva: Progress – Traditsiia, 2000. 384 s.
4. **Rossiiia:** riski i opasnosti «perehodnogo» obshchestva: sb. statei' / otv. red. O. N. Ianitskii'. Moskva : Izd-vo Instituta sotciologii RAN, 1998. 237 s.
5. **Ot agrarnogo** obshchestva k gosudarstvu vseobshchego blagosostoianiiia. Moskva : ROSSPE'N, 1998. 432 s.
6. **Kurpakov V. Iu.** Revoliutsiia Gutenberga 2.0 i budushchee bibliotek. Chast' 1. Zvyozdny'i chas i «zakat» bibliotek // Universitetskaia kniga. liun', 2019. S. 46–47.
7. **Kolin K. K.** Kul'tura i bezopasnost': strategicheskie zadachi kul'tury' v XXI veke // Vestneyk kul'tury' i iskusstv. 2018. № 3. S. 65–84.
8. **Belozor A. F.** Kul'turnaia bezopasnost' kak osnova kul'turnoi' identichnosti // Chelovek i kul'tura. 2019. № 1. S. 80–86.
9. **Vasilenko L. I.** Kratkii' religiozno-filosofskii' slovar'. Moskva : Istina i Zhizn', 1998. 256 s.
10. **Popper K. R.** Ob''ektivnoe znanie. E'voliutcionny'i' podhod. Moskva : Edithorial URSS, 2002. 384 s.
11. **Politicheskaiia** e'konomiia. Slovar'. Moskva : Politizdat, 1979. 463 s.
12. **Macliue'n M.** Galaktika Gutenberga. Sotvorenii cheloveka pechatnoi' kul'tury'. Kiev : Nika-Centr, 2003. 432 s.

13. **Razlogov K. E`.** Iskusstvo e`krana: ot sinematografa do Interneta. Moskva : Rosspe`n, 2010. 287 s.
14. **Sokolov A. V.** Bibliologos – vaktcina ot nevezhestva i gluposti // Trudy` GPNTB SO RAN. 2021. № 2. S. 91–95.
15. **Makarova A. G.** Chtenie kak faktor formirovaniia noosfery` // Bibliotechnoe delo. 2017. № 6. S. 25–28.
16. **Chtenie.** E`ntsiclopedicheskii` slovar` / pod red. chl.-korr. RAO lu. P. Melent`evoi`. Moskva : FGBUN NITC «Nauka» RAN, 2021. 448 s.
17. **Sokolov A. V.** Bibliosofiia kak filosofskoe uchenie o bibliosfere // Bibliografiia. 2019. № 1. S. 14–34.
18. **Mezhuev V. M.** Ideia kul`tury`. Ocherki po filosofii kul`tury`: monografiia. Moskva : Universitetskaia kniga, 2012. 403 s.
19. **Realisticheskaia** filosofiia: uchebnik dlia vuzov / pod red. V. L. Obuhova. Sankt-Peterburg : SPbGAU, 2003. 336 s

Информация об авторе / Information about the author

Соколов Аркадий Васильевич – доктор пед. наук, проф., профессор библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sokolov1.spb@gmail.com

Arkady V. Sokolov – Dr. Sc. (Pedagogy), Prof., Professor of the Information Management Department, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russian Federation
sokolov1.spb@gmail.com